

Danny Dorling
Stuart Gietel-Basten
Why Demography Matters

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список рисунков и таблиц	8
Благодарности	14
ГЛАВА 1. ВВОДНАЯ	15
ГЛАВА 2. ИЗМЕРЯТЬ НАСЕЛЕНИЕ	40
Демография: доступная социальная наука.	40
Мы знаем не так много, как нам хотелось бы думать	43
Краткая история ошибки в демографии	51
Употребление (и злоупотребление) показателей, которые мы используем	59
Бэби-бумы и бэби-спады	64
Заключение	78
ГЛАВА 3. СУДЬБА И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ	81
Прогнозы vs предсказаний	82
Испорченный шар предсказаний.	86
Непредсказанные падения рождаемости	91
От показывания будущего к его формированию	95
Встраивать неопределенность в модель	100
«Живи и давай жить другим» и голод	105
Добавить образование к демографическим предсказаниям	111
Заключение	121
ГЛАВА 4. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ	123
Преобладающий нарратив	124
Малярия и благая весть, которую так часто игнорируют	135

Как на дрожжах: мировое население в 1800–2000 годах	. 141
Переписи, опросы и сценарии	.148
Демографический переход или демографический взрыв?	.156
Заключение	.160
ГЛАВА 5. ПОЧЕМУ НЕТ ДЕТЕЙ?	164
Поляризованный мир	.164
Мир низкой рождаемости	.170
Подтолкнуть и поддержать родителей	.179
Кто «виноват»?	.182
Заключение	.196
ГЛАВА 6. СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ	201
Помогать пожилым?	202
Почему стареет население?	204
Демографический дивиденд	.212
Измерение старения населения	.217
По ту сторону цифр: настоящие вызовы стареющего населения	234
Заключение	240
ГЛАВА 7. НАСЕЛЕНИЕ И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА	244
«Слишком много там, слишком мало здесь»	245
Спрос на рабочую силу	249
Сельско-городская миграция	253
Развивающиеся рыночные экономики, исчезающие рынки	256
Таинственное исчезновение мировых резервов рабочей силы	.261
Планирование семьи и рекордная численность трудоспособного населения	.272
Альтернативные прогнозы	.281
Заключение	289

ГЛАВА 8. НАСЕЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА	292
Политика, демография и история	293
Опасность демографии	308
Школы, политика и демография	315
Культурная идентичность, национализм и сокращение численности населения	322
Чистая пожизненная миграция по когортам	325
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОЗНАТЬ САМИХ СЕБЯ, ПОЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА	 338
 Библиография	 359

СПИСОК РИСУНКОВ И ТАБЛИЦ

Глава 2. Измерять население

- Рис. 2.1. Альтернативные измерения снижения уровня смертности в Афганистане, 1950–2010 годы
- Рис. 2.2. Альтернативные оценки коэффициента рождаемости в Китае, 1980–2010 годы
- Рис. 2.3. Альтернативные оценки коэффициента рождаемости в Нигерии, 1970–2015 годы
- Рис. 2.4. Суммарные коэффициенты рождаемости за период и для когорты женщин в возрасте 40 лет, Швеция
- Рис. 2.5. Суммарные коэффициенты рождаемости для когорты и за период, Россия, 1985–2013 годы

Глава 3. Судьба и целеустремленность

- Рис. 3.1. «Прорванные ограничения ожидаемой продолжительности жизни»
- Рис. 3.2. Прежние прогнозы по ожидаемой продолжительности жизни женщин при рождении, суммарному коэффициенту рождаемости и фактические значения, Великобритания, 1970–2030 годы
- Рис. 3.3. Прежние прогнозы по суммарному коэффициенту рождаемости, Австрия, 1950–2030 годы
- Рис. 3.4. Прогноз по числу рождений и реальность, Сингапур, 1955–2015 годы
- Рис. 3.5. Альтернативные прогнозы по численности населения Великобритании к 2039 году
- Рис. 3.6. Демографическая пирамида с ранжиром по уровню образования, Сомали
- Рис. 3.7. Альтернативные цифры для Сомали, мужчины и женщины в возрасте 20–29 лет, 2050 год

Глава 4. Демографический взрыв

- Рис. 4.1. Страны мира в соответствии с распределением 1 млн смертей от малярии, зарегистрированных в 2000 году

Рис. 4.2. Страны мира в соответствии с распределением 133 млн деторождений, зарегистрированных в 2000 году

Рис. 4.3. Распределение населения по регионам мира за последние 2 тыс. лет

Рис. 4.4. Ежегодный прирост мирового населения, 1820–2015 годы

Рис. 4.5. Как изменение коэффициентов рождаемости может влиять на будущий рост населения

Рис. 4.6. Рост населения в более развитых и менее развитых странах, 1950–2100 годы

Рис. 4.7. Суммарный коэффициент рождаемости по континентам, 1950–2100 годы

Табл. 4.1. Самые населенные города мира, 1950, 2015, 2030 (прогноз) годы

Табл. 4.2. Мировое население, 1–2011 годы

Табл. 4.3. Изменение доли регионов в общей численности населения, %

Глава 5. Почему нет детей?

Рис. 5.1. Новейшие тренды в изменении суммарных коэффициентов рождаемости за период в европейских и некоторых других странах с низкой рождаемостью

Рис. 5.2. Когортные показатели рождаемости (и прогнозы): 37 стран, разделенных на 6 групп

Рис. 5.3. Средний социально идеальный, планируемый и фактический размеры семьи по гендеру и возрасту, 27 стран — членов Европейского союза, 2011 год

Рис. 5.4. Среднее планируемое число детей и среднее число детей в соответствии с личным идеалом, мужчины и женщины, Греция, 2006–2011 годы

Рис. 5.5. Вариации в количестве оплачиваемых и неоплачиваемых рабочих часов в день, Индия, Япония, Великобритания, 2015 год

Глава 6. Старение населения

Рис. 6.1. Примеры демографических пирамид молодого населения: Иран, Йемен и Уганда

Рис. 6.2. Примеры демографических пирамид пожилого населения: Франция, Великобритания, Сингапур

Рис. 6.3. Альтернативные демографические пирамиды для Тайваня в соответствии с тремя вариантами уровня рождаемости

Рис. 6.4. Наглядный пример добавления внутренних мигрантов к населению Пекина

Рис. 6.5. Демографические пирамиды Южной Кореи: наступление и завершение периода демографического дивиденда

Рис. 6.6. Численность населения старше 65 лет (индексированная, 1950 год = 1), выборка стран

Рис. 6.7. Коэффициенты зависимости пожилых людей, выборка стран

Рис. 6.8. Возраст, в котором ожидаемая продолжительность остатка жизни составляет 15 лет; прогнозы 2010–2065 годов, 20 стран

Табл. 6.1. Сопоставление текущих и прогнозируемых коэффициентов зависимости пожилых людей, выборка стран

Глава 7. Население и мировая экономика

Рис. 7.1. Рост города Оксфорд в 1750–2021 годах: население и физическая протяженность

Рис. 7.2. Новейшие тренды и средневариантные предположения по рождаемости в некоторых странах с развивающейся рыночной экономикой

Рис. 7.3. Относительная численность населения в возрасте 25–45 лет до 2065–2070 годов согласно среднему и низкому вариантам рождаемости, выборка стран с развивающейся рыночной экономикой, индексировано по уровню 2015–2020 годов

Рис. 7.4. Ускорение и замедление роста численности мирового населения, 1950–2050 годы (на основе оценок ООН 2011 и 2015 годов)

Рис. 7.5. Ежегодное изменение прогнозов численности мирового населения согласно расчетам ООН, 1950–2090 годы (оценки были сделаны ООН в 2011 и 2015 годах)

Рис. 7.6. Альтернативные прогнозы «изменения изменения» численности мирового населения, 1950–2100 годы (на основе оценок ООН 2011 и 2015 годов)

Рис. 7.7. Ежегодное изменение в прогнозах по мировому населению, 1950–2100 годы (на основе оценок ООН 2011 и 2015 годов)

Рис. 7.8. Мировое население в призме человеческого развития, 1990–2014 годы

Глава 8. Население и политика

Рис. 8.1. Основы биологии

Рис. 8.2. Показатели младенческой смертности в сравнении с неравенством доходов в богатых странах

Рис. 8.3. География голосования на референдуме 2016 года в Великобритании

Рис. 8.4. Тренды показателя субъективного здоровья, используемого Бюро национальной статистики Великобритании в ежегодных отчетах о благосостоянии населения, 2009–2013 годы

Рис. 8.5. Математическая грамотность в самых богатых странах мира в 2012 году, учащиеся в возрасте 15 и 16–24 лет

Рис. 8.6. Регионы мира пропорционально естественной убыли своего населения, 2002 год

Рис. 8.7. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция, Англия и Уэльс, 1840–2000 годы

Рис. 8.8. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция по когортам, Англия и Уэльс, 1840–2000 годы

Рис. 8.9. Ежегодное число рождений в сравнении с чистой эмиграцией по когортам, Англия и Уэльс, 1840–1975 годы

Рис. 8.10. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция, Швеция, 1800–2000 годы

Рис. 8.11. Ежегодное число рождений и чистая эмиграция по когортам, Швеция, 1800–2000 годы

Рис. 8.12. Ежегодное число рождений в сравнении с чистой эмиграцией по когортам, Швеция, 1840–1975 годы

Табл. 8.1. Численность мирового населения, 1500–1820 годы

Табл. 8.2. Страны с самой низкой и самой высокой ранней неонатальной смертностью в мире по состоянию на 2000 год

Заключение: познать самих себя, познать друг друга

Рис. 9.1. Изменение повозрастных коэффициентов смертности, Великобритания, 2014–2015 годы

Рис. 9.2. Станный и неизвестный призрачный мир, которого столь многие боятся

Рис. 9.3. Обеспокоенные миграцией люди на сельской ярмарке в Великобритании

Рис. 9.4. Региональная география иностранцев в Европе в 2014 году (% населения)

Рис. 9.5. Трофеи империи — территории Британской империи в 1897 году

Рис. 9.6. Мальчик-мигрант на одном из средиземноморских островов

Табл. 9.1. Сравнение совокупного коэффициента рождаемости с идеальным размером семьи (числом детей), с точки зрения молодых людей

Потому что рождения, браки и смерти — это не только «демографические события» или предмет статистических расчетов. Это события, которые меняют жизни людей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы благодарны Джонатану Скеретту из издательства Polity за поддержку в создании, исправлении и своевременном завершении этой книги, а также двум анонимным рецензентам за множество очень полезных комментариев к ее черновику. Марк Фрэншем и Дэвид Дорлинг любезно прокомментировали всю рукопись, а Адам Киф привел все наши диаграммы в соответствие со стандартами. Также мы многим обязаны Клэр Анселл и Рейчел Мур из Polity, которые столь толково поработали над изданием книги, и Тиму Кларку за предельно тщательную вычитку. Все оставшиеся ошибки — на нашей совести. Демографы знают, что ошибки есть всегда.

Глава 1

Вводная

МОЖЕТ показаться, что демография обещает больше бомб и взрывов, чем какой-нибудь голливудский блокбастер. Если продолжить сравнение с кино, то представляемое демографией будущее подобно «Крепкому орешку» (и четырем его сиквелам) — бесконечная борьба против следующих один за другим взрывов. Лучшее, на что мы можем надеяться, — это взять пример с героев «Повелителя бури» и попытаться (пусть иногда и безуспешно) обезвредить все эти тикающие часовые механизмы взрывных устройств. Вот *почему демография важна*, если верить традиционному алармистскому нарративу. Она важна, поскольку старение населения Китая может стать препятствием для его будущего экономического роста, что повлечет за собой катастрофические последствия мирового масштаба. Она важна, говорят некоторые, поскольку миграция в Великобританию неизбежно приведет к перегрузке ее социальных служб. Она важна, так как огромный рост численности населения на территории большей части Африки южнее Сахары вкупе с изменением климата может привести к конфликтам, засухе, массовым переселениям и катастрофе. Это *могло бы* произойти, и некоторые утверждают, что уже частично произошло. Но это не равносильно утверждению, что

это *произойдет*. Более того, то, что произойдет с численностью населения, далеко от определенности; а что произойдет, когда наша численность достигнет того или иного уровня, еще менее предсказуемо.

Думаю, нам крышка.

В книгах по демографии не так уж много пассажей, которые наши студенты могли бы цитировать, но этот из недавнего исследования Стивена Эммотта по экологическим последствиям роста населения определенно стоит привести. В книге «Десять миллиардов» Эммотт описывает вызовы, сопровождавшие быстрый рост численности населения в XX веке. Его вывод глубоко пессимистичен. Вот пассаж в конце книги, предшествующий приведенной выше фразе: «Мы срочно должны сделать — я имею в виду реально сделать — что-то радикальное, чтобы предотвратить глобальную катастрофу, но не думаю, что мы это сделаем» [Emmott, 2013, p. 202].

«Десять миллиардов» — одна из очень многих книг, статей и хедлайнов, описывающих потенциально негативные последствия изменения численности мирового населения. Мы начали писать эту книгу во время подготовки референдума по членству Великобритании в Европейском союзе. В ходе кампании Брексита рассказывались ужасные истории о «вышедшей из-под контроля» иммиграционной системе, о «разрушении государственных социальных служб», о том, что прогнозируемый чрезмерный рост населения ударит по нашему «густонаселенному острову» и приведет к застройке лесопарковых территорий, и много чего еще. Впоследствии при объяснении, почему Великобритания проголосовала за выход из ЕС, самой важной причиной представлялся один из ключевых аспектов демографии — иммиграция. Еще был рост страха, ненависти и приступов расизма. Стало ясно, что контроль над иммиграцией был ключевым фактором, вокруг которого строились дискуссии о том, как выходить из ЕС.

Демографический анализ результатов голосования показал, что именно пожилые люди были самой многочисленной группой среди тех, кто голосовал за Брексит; они больше всего боялись мигрантов или считали, что ограничение иммиграции как-то поможет молодым поколениям [Dorling, 2016a].

Если бы в прошлом рождаемость в Великобритании была выше, то среди голосующих было бы больше молодежи. Не стань британское общество столь индивидуалистичным за последние 40 лет, могло бы проголосовать больше молодых людей, а экономическое неравенство могло не достичь такого высокого уровня. Мы были бы совсем другим населением с другим политическим и демографическим характером, если бы в 1930-е годы у нас было немного больше детей или в 1990-е — немного больше эмигрантов. Демография формирует нашу политику. А политика формирует демографию.

В ряде недавно опубликованных книг, в основном американских, Европе предсказывалось мрачное будущее из-за совокупности проблем, связанных с низкими показателями рождаемости, быстрым старением населения и в некоторых случаях, со страхом воображаемого стремительного роста исламской культуры в Европе [Coleman, Basten, 2015]. В Китае и Индии старение населения, ведущее к возможному экономическому спаду, считается главным фактором в формировании сценариев их будущего. Причем у Индии, как предполагается, есть «врожденное» экономическое преимущество, поскольку там гораздо больше детей.

В Европе именно демографические изменения считаются причиной кризисов пенсионной сферы, здравоохранения и социального обеспечения (последний особенно остро ощущается в Великобритании). Здесь одновременно слишком мало людей в одних местах и слишком много — в других, и в зависимости от того, остаются ли они

*in situ*¹ или перемещаются, последствия часто описываются как плачевные. Упадок традиционной модели семьи оплакивают и обвиняют во всем: от растущей потребности в жилье до недостатка достойной заботы как о пожилых людях, так и о молодежи.

Учитывая то, как депрессивны многие популярные демографические взгляды на мир, это чудо, что демографов вообще еще приглашают на общественные мероприятия. Надо признаться, приглашают нас не особенно часто — и мы нередко не говорим правду, когда на вечеринке нас спрашивают: «Чем вы занимаетесь?» Хотите верить, хотите нет, но авторы этой книги уверены, что им гораздо проще считаться географами или социологами (едва ли летчиками-испытателями или нейрохирургами), чем демографами. Но в действительности недавнее демографическое изменение в целом далеко от того, чтобы быть депрессивным. На нашем веку мы застали резкое снижение уровня детской смертности; здравоохранение в мире улучшается быстрее самых оптимистичных прогнозов наших предшественников; увеличилась свобода передвижения, свобода жить как хочется и с кем хочется, а с детьми (в основном) обращаются со все большей любовью, сопереживанием и уважением. Старение населения (о котором мы несправедливо сожалеем) вызвано падением показателей рождаемости и смертности, причинами чего, в свою очередь, являются рост благосостояния, улучшения в здравоохранении, образовании, ситуации с правами женщин и трудящихся (и мы справедливо превозносим эти улучшения). Так почему же демография считается такой депрессивной?

Эта «депрессивная жилка» в демографии восходит к ранним сочинениям Томаса Мальтуса, чьи рассказы о беде, на которую мы обречены, стали очень популярны в начале XIX века. В классической мальтузианской моде-

---

¹ *In situ* (лат.) — на месте.

ли — которая все еще сквозит в мышлении многих современных авторов — рост населения неизбежно обгоняет производство продуктов питания. Согласно этому предположению, возможны два пути достижения и сохранения равновесия: население сообща возьмет себя в руки и примет превентивные меры по сдерживанию роста своей численности, например перейдет к более поздним бракам, или же начнут действовать «позитивные» ограничения (которые на самом деле следует назвать глубоко негативными), такие как голод, война, эпидемии и общее обнищание. На рубеже XIX века, когда дискуссии вокруг этого начали набирать обороты, мировое население составляло около 1 млрд человек. В действительности же Мальтус, особенно в поздний период, не был настолько мрачен, как его часто представляют, но идеи его ранних сочинений надолго пережили более поздние размышления. У идей ожидаемая продолжительность жизни может быть гораздо выше, чем у людей.

Примечательно, что Мальтус был не только демографом, но и первым в мире экономистом, которому платили жалованье. Экономiku часто называют «мрачной наукой» (*the dismal science*) — выражение, которое первым использовал Томас Карлейль в середине XIX века. Согласно распространенному заблуждению, Карлейль сказал это по поводу сочинений Мальтуса. Это не так, но живучесть данного предположения кое-что говорит нам о том, как мы воспринимаем Мальтуса и что демографию мы считаем близкой родственницей экономики. Демографию можно легко отнести к бесчувственным и бесчеловечным дисциплинам социальных наук. Но у демографии есть и другая сторона, более оптимистичная, и это не просто ненаучная сторона.

Карлейлю было что сказать о Мальтусе. В своей книге «Чартизм» в 1839 году он писал, что мальтусовский мир превентивных и позитивных ограничений — это картина «безотрадная, тоскливая, мрачная, без всяких надежд

на что-либо на том или этом свете» [Carlyle, 1842, p. 109]. По его мнению, Мальтус изобразил естественное состояние Томаса Гоббса, при котором жизнь «несчастлива, груба, грязна и коротка», и это недальновидный взгляд.

Реакция Карлейля в середине XIX века на нарисованный мрачный образ будущего вполне в духе человеческой природы. Люди, как правило, склонны смотреть на будущее позитивно и верить в свое сообщество; только меньшинство не на стороне общества. Иногда эти более позитивные представления основываются непосредственно на новых данных, в остальных случаях применяется иная интерпретация данных. Некоторые реакции на мрачные образы будущего или сами альтернативные версии будущего основаны на серьезных эмпирических исследованиях. Некоторым из них нужно много времени, чтобы реализоваться. Демография важна, поскольку в основе того, во что мы верим, часто лежит сочетание актуальных и устаревших демографических представлений. А поскольку наше понимание демографической ситуации в будущем изменится, изменится и то, во что мы верим.

Лишь в 1980-е годы, почти два века спустя после страшных предсказаний Мальтуса, датский экономист Эстер Бозеруп [Boserup, 1981] смогла убедительно показать, что мальтузианский взгляд на соотношение между населением и землей чересчур упрощенческий и что производство продовольствия гораздо более эластично относительно трудозатрат. Впрочем, другие образы будущего основаны скорее на пессимизме, чем на фактах. К примеру, предлагаемый Стивеном Эммоттом пессимистичный взгляд на будущее основан на *ego* интерпретации недавних трендов и того, что они предвещают будущему. Однако другие ученые иначе интерпретируют те же тренды и, как следствие, гораздо позитивнее оценивают будущее.

В своей превосходной короткой книге «Серьезный путеводитель по мировому населению» [Baird, 2011; Бэрд,

2014] Ванесса Бэрд объясняет, почему рост численности населения уже какое-то время замедляется, и отмечает, что наши реальные проблемы касаются того, как мы относимся друг к другу и как друг друга уважаем. Неслучайно другая ее книга из той же серии называется «Серьезный путеводитель по сексуальному разнообразию». Сходным образом Мэтью Коннели в книге «Фатальное непонимание: борьба за контроль мирового населения» [Connely, 2010] пытается опровергнуть все еще пересказываемые сегодня страшилки о будущих демографических антиутопиях. Те, кто утверждают, что численность населения — это проблема, вероятно, больше беспокоятся о чем-то другом, может быть, о чем-то не особенно политически корректном. Это объяснило бы, почему на них так мало влияют неоднократные прогнозы ООН, показывающие быстрое замедление роста мирового населения. Этот спор может часто переходить в сражение между пессимистами и оптимистами.

Но даже оптимисты часто превращаются в пессимистов под впечатлением от текущих событий. Так, в Великобритании региональное распределение и населения в целом, и показателей его роста стало очень несбалансированным. На севере продолжается сокращение численности населения, Лондон же становится все более перенаселенным. Добавьте к этому десятилетия недостаточных инвестиций в инфраструктуру, и вот уже многие люди в менее густонаселенных районах, как ни парадоксально, страдают от того, что ощущается как перенаселенность. Это было ключевой темой на референдуме по Брекситу в 2016 году, но видимое давление на государственные социальные службы было больше обусловлено суровой экономией и долговременным недостатком инвестиций, чем иммиграцией.

Во многом то же самое можно сказать о современных Соединенных Штатах Америки и американской президентской кампании 2016 года.

Сегодня в Великобритании и США прямые и непрямые последствия строгих ограничений миграции могут оказаться тяжелыми как для экономики, так и для рынка труда. Могут проявиться непредвиденные обстоятельства, не упоминавшиеся в ходе политических дебатов 2016 года. Например, в настоящее время значительная часть миграции из континентальной Европы в Великобританию и из Мексики в США носит временный характер, то есть мигранты приезжают на какое-то время поработать и возвращаются домой. Если бы изменение миграционной политики привело к более высоким уровням пожизненной миграции (*lifetime migration*), то это могло бы усилить проблему старения в обеих странах. Репатриация (добровольная или нет) более взрослых британских эмигрантов обратно в Великобританию лишь усугубила бы эту проблему, как усугубило бы ее и последующее падение рождаемости в США (одно из возможных последствий ограничения миграции).

Демографы должны анализировать государственные решения, которые могут повлиять на динамику демографической ситуации [Gietel-Basten, 2016a, 2016b]. Возможно, самая актуальная проблема в Великобритании — кризис Национальной службы здравоохранения (NHS), в особенности финансирования социальной защиты, а в США — изменения, внесенные в Закон о доступном здравоохранении в 2017 году. Эти политические изменения могут привести к увеличению показателей смертности или по меньшей мере замедлить улучшение ситуации со смертностью, которое наблюдалось в последние десятилетия в Великобритании и которое, по недавним сообщениям, остановилось или даже откатилось в США [Dorling, 2017a, 2017b].

Как и большинство дискуссий, демографические могут становиться бестолковыми («Я прав!» — «Нет, я прав!»), особенно когда они затрагивают оценку потенци-

альных последствий политических мер. Не в последнюю очередь это происходит потому, что каждая сторона обычно предъявляет одинаково жизнеспособный с поверхностной точки зрения образ будущего. Любопытно, что пессимизм, как правило, считают более научно обоснованным или реалистичным, а оптимизм ассоциируют со словами «легкомысленный» и «фантастичный». То, что в демографических прогнозах воспринимается как оптимистичное в одном смысле, так же легко может быть понято как пессимистичное в другом — обычно это связано с выбором между экономическим благосостоянием и окружающей средой. К примеру, будущие последствия низкого показателя рождаемости можно оценивать пессимистично ввиду старения населения, а следовательно, упадка экономических рынков и снижения экономического роста; но их же можно интерпретировать и как оптимистичные для состояния окружающей среды из-за меньшей численности населения и меньшего коллективного углеродного следа.

Компромиссы тоже часто бывают жизнеспособными. Нет ничего невозможного в том, чтобы высокий экономический рост, обусловленный продвинутыми производственными технологиями, вел к тому, чтобы больше ресурсов было доступно для повышения экологичности и адаптации к изменению климата. Кроме того, современные технологии и роботизация могли бы компенсировать часть последствий сокращения и старения населения для производства. Но ценой каких человеческих издержек? Будущее действительно непредсказуемо, особенно во времена быстрых перемен, в которые мы живем.

Если вы живете в США или Великобритании, то чрезвычайно легко увлечься дискуссиями о демографии в этих двух относительно небольших частях мира. Однако самые важные демографические изменения происходят в других местах, и именно эти изменения будут определять

численность мирового населения последующие несколько десятилетий.

Здесь мы не будем участвовать в споре оптимистов и пессимистов о будущем мирового населения — у нас нет позиции по поводу того, какие показатели в будущем будут хорошими или плохими. Напротив, мы хотели бы поразмышлять о том, как люди приходят к подобным образам будущего и какую роль в этом играет демография, а также проследить, как наше понимание глобальной демографической ситуации может повлиять на политику и население на местном уровне. Если вам все время будут твердить, что мы живем в большом плохом мире все более отчаивающихся иностранных мигрантов, то вы будете более склонны поддерживать политические меры, разводящие мосты и возводящие стены. Если же вас будут убеждать в том, что люди в вашей стране заводят все меньше детей и что это угрожает национальной экономике и *культуре*, то вы, может быть, будете ближе к поддержке про-наталистских мер, которые могут быть как антифеминистскими и запугивающими по своему тону, так и националистическими по духу.

В этом контексте важно название книги Стивена Эммотта — «Десять миллиардов». Целиком посвященная будущим катастрофам, она не называется «Мировое потребление», «Деградация окружающей среды», «Вызовы ирригационным системам» или «Проблемы глобальной цепочки поставок продуктов питания». Напротив, фундаментальной проблемой, как и для Мальтуса, для Эммотта является численность населения в мире. Обратная ситуация у тех, кто изучает природу, то есть иные, чем человек, биологические виды: здесь чаще всего главной проблемой является *сокращение численности* популяций.

Говоря о будущем мирового населения, часто применяют аналогию с бомбой. Поищите в Google фразы «демографическая бомба замедленного действия» или «бом-

бы с часовым механизмом» и увидите самые популярные и зачастую острые реплики по этой теме. Понятие «демографическая бомба» (*population bomb*) ввел Пол Эрлих в работе о деградации окружающей среды, написанной им в 1960-е годы, и оно до сих пор широко используется в том же ключе. Сегодня у нас в избытке демографических бомб замедленного действия — якобы нарождающихся угроз, фитили которых уже зажжены: бомбы замедленного действия старения, бомбы замедленного действия миграции, бомбы замедленного действия отложенной рождаемости и бомбы замедленного действия чего угодно. Политический потенциал этих метафор может быть велик; они работают как современные сказочные предания, предупреждая нас об опасностях, поджидающих в тумане будущего.

В некоторых отношениях метафора «бомба» хороша, по крайней мере если иметь в виду старомодное оружие с длинным фитилем, взрыв которого произойдет в какой-то момент будущего. Часто демографическое изменение — это долго разгорающийся процесс. Да, бывают весьма заметные исключения, такие как внезапные крупные потоки мигрантов, голод, войны и т.д., но более предсказуемые тенденции — к примеру, старение населения из-за снижения рождаемости и понижения благодаря медицине уровня смертности — могут развиваться десятилетиями, пока не достигнут своего пика. Именно последние обычно называются демографическими бомбами замедленного действия, и это проблема.

В то же время аналогия с бомбой опасна, поскольку предполагает что-то большее, чем маленький взрыв. Согласно этой метафоре, взорвавшаяся бомба определит будущее. Бомба здесь по определению существует. Это неизменная «вещь», и у нас на выбор есть только два альтернативных варианта: справиться с последствиями после того, как она взорвется, или обезвредить ее. Отсюда, очевидно, следует, что столкнуться с этим вызовом

в какой-то момент в будущем — наша судьба. Десять миллиардов, включая стареющее население с глубоко негативными экономическими последствиями, — это наша судьба, именно с ней нам нужно справиться, и уже сейчас мы, возможно, бессильны сделать это. «Нам крышка» (*we are fucked*), если не сможем ответить на этот вызов, который был нам навязан и который мы должны против своей воли принять. Однако такие рассуждения часто бессмысленны.

Это подводит нас к другому часто используемому выражению: «демография — это судьба». И снова это на фундаментальном уровне связано с понятием «демографическая бомба». Например, излюбленное занятие журнала *The Economist* на протяжении многих лет — сравнивать Китай и Индию с точки зрения низкой рождаемости и быстро стареющего населения первого и заявлять, что «демография — это судьба», ведь от нее зависит будущий экономический рост. В глубоко депрессивном фильме «Демографическая бомба: демография — это судьба»² рисуется мрачная картина мира с низкими показателями рождаемости и, по сути, коллапсом экономики и социальной сферы. Другие же, снова опираясь на тезис «демография — это судьба», предположили, что столь же дистопичное, неблагоприятное будущее ослабевающей безопасности, низкого экономического роста и дефицита продовольствия ждет Африку в результате быстрого роста населения (см.: [French, 2013]).

К представлению о демографии как судьбе часто обращаются при обсуждении изменений в электоральных группах в демократических странах, и, возможно, нигде это не происходит так интенсивно, как в США. Там это мотивировано изменениями в структуре населения, связанными с возрастом, гендером, расой (и отчасти сексу-

---

² Demographic Bomb: Demography is Destiny, фильм частично профинансирован фондами Family First и GFC (God, Family, Country).

альной ориентацией), что побуждает некоторых заявлять, что «демография — это *политическая судьба*» и что грядущие демографические изменения будут благоприятны для Демократической партии США (по крайней мере, в будущем). Но люди, которые не могут изменить свой возраст, гендер или расу, легко могут изменить свои политические пристрастия. Достаточно лишь незначительных колебаний электората в напряженной предвыборной гонке, чтобы изменения политической принадлежности, или явки избирателей, или даже их регистрации оказали решающее влияние на исход голосования.

Выражение «демография — это судьба» часто ошибочно приписывают французскому социологу Огюсту Конту. На самом же деле оно появилось в печати только в 1970 году, в книге об изменениях в американском электорате «Настоящее большинство» Ричарда Скэммона и Бена Уоттенберга. В ней авторы попытались выяснить, кем являлись избиратели и, следовательно, чьи симпатии в действительности следовало завоевывать политикам. Главы 4 и 5 озаглавлены «Демография — это судьба» с подзаголовками «Не-молодые, не-бедные, не-темнокожие» и «Белые средних лет из среднего класса» соответственно. Эти два подзаголовка описывают проект книги в целом: определить, кем «средние избиратели» были и кем они не были. И в самом деле, авторы определяют «среднего избирателя» как «горожанина <...> средних лет, среднего дохода, среднего образования, протестанта, из семьи, члены которой (скорее всего) занимаются ручным, а не абстрактным интеллектуальным трудом». Если точнее, то средний избиратель — это «сорокасемилетняя домохозяйка из пригорода Дейтона, Огайо, чей муж работает машинистом» [Scammon, Wattenberg, 1970, p. 70]. Учитывая, что «демография — это судьба», авторы делают вывод: «В Америке победит та коалиция, которая удержит центр спектра электоральных установок» [Ibid., p. 80].

Парадоксально, что 40 лет, прошедшие после первого использования выражения «демография — это судьба», продемонстрировали, что судьбой она на самом деле во все не является. Домохозяйка из Огайо может быть важна для американской политики, но это скорее связано с тем, что Огайо сейчас колеблющийся штат, а не с демографическим статусом домохозяйки как белой и принадлежащей к среднему классу. В самом деле, взгляните на сегодняшний электоральный ландшафт США, и вы без труда увидите, что будущее оказалось совсем не таким, каким его предсказывали Скэммон и Уоттенберг. Домохозяйка из Огайо в действительности может не иметь никакого значения, поскольку ее демографический профиль может попросту разделиться между двумя сегодняшними альтернативами. В 2016 году как раз более пожилые и обеспеченные белые мужчины предпочли Дональда Трампа, а «молодые, бедные и темнокожие», в свою очередь, были не в восторге от Хиллари Клинтон настолько же, насколько до того их привлекал Барак Обама. Когда же мы начали писать эту книгу в начале 2016 года, казалось, что изменение демографических характеристик американского электорального населения может стать ключевым фактором победы демократов. Вот так быстро могут меняться представления и так легко в них ошибиться, причем любому из нас.

Мы не обвиняем Скэммона и Уоттенберга в наивности, а хотим лишь сказать, что они не виноваты в своей ошибке. Они опирались на актуальные тренды в электоральном поведении, в формировании политики и в демографической структуре страны и на основе этой информации сделали прогноз на будущее. Оказалось, что демография не является «судьбой» по двум причинам: во-первых, предсказанное ими демографическое будущее не получилось в точности таким, каким они его ожидали; во-вторых, *все остальное* случилось не так, как они дума-

ли. Свою роль также могли сыграть холодная война, или Уотергейтский скандал, или приход к власти Рейгана, или деиндустриализация, или дальнейшие изменения в гражданских правах, или глубокие изменения в характере домохозяйств, обусловленные влиянием феминизма, и т.д. Скэммон и Уоттенберг обрисовали рациональную картину будущего, но это было не то будущее, которое в итоге случилось. Точно так же в 2014 году ни один авторитетный комментатор не смог предсказать исход президентских выборов в США, прошедших всего через два года. Учитывая это, логично задаться вопросом о том, насколько серьезно стоит воспринимать текущие прогнозы по мировому населению или экономике на 2050 или 2100 год.

Есть ошибка, комплементарная такой вере в то, что текущие демографические тренды предсказуемо приведут к определенным последствиям. Это убеждение, что разнообразные демографические вмешательства уже имеют глубокие последствия. Такую ошибку часто совершали в связи с одной из самых печально известных демографических стратегий в истории человечества — политикой одного ребенка в Китае. Ей часто приписывают кардинальное сокращение рождаемости в самом большом населении мира, начиная с ее внедрения в 1980 году и по сей день. Утверждается, что эта политика позволила избежать рождения в нищете 400 млн детей [Wang, Cai, Gu, 2011]. Это излюбленный кейс многих из тех, кто защищает меры по замедлению роста населения с целью ограничить разрушение окружающей среды. Однако этот «стандартный» взгляд на политику одного ребенка на деле некорректен. Наибольшая часть сокращения рождаемости в Китае пришлось на 1960-е годы и продолжалась в 1970-х, то есть до полноценного внедрения политики одного ребенка в 1980 году [Basten, Jiang, 2014]. Это важно, но для нас здесь дело в другом. В этом примере и в книге в целом мы пытаемся показать, что существуют представления

о том, что «политические меры — это судьба»: демографические перемены всего лишь рабски следуют за изменениями политики, будь то диктат Пекина или местных чиновников в области планирования семьи, строительство стены между США и Мексикой или выход Великобритании из Евросоюза. Согласно такой логике, недавние реформы в китайской политике в области планирования семьи³, начатые, чтобы смягчить быстрое старение населения страны, должны привести к росту уровня рождаемости. Но пока что не привели. Это не оказало особого влияния на господствующий нарратив, согласно которому реформа политики одного ребенка приведет к бэби-буму [Vaculinao, 2016]. Когда только заговорили об этой реформе, высказывались опасения по поводу нехватки педиатров, при этом стоимость акций компаний по производству детских смесей и игрушек выросла [Steger, 2013].

Скэммон и Уоттенберг не предвидели *все остальное*, что случилось в Америке и обусловило разрыв между их представлением о будущих демографических переменных и реальным электоральным поведением. Точно так же нынешнее господствующее представление об отношении между политикой и демографией в Китае игнорирует *все остальное*, что случилось в стране между 1980 годом (и до него) и сегодняшним днем: урбанизацию, экономический рост, революции в образовании, здравоохранении, в области прав женщин и на рынке труда. По сути, изменение демографической политики означало не более чем изменение лишь одного параметра. Более того, сейчас есть убедительные доказательства того, что очень многие пары в Китае добровольно решают иметь только одного ребенка (мы обсудим это в главе 5). Поэтому без изменения других параметров демографическая ситуация в ближай-

---

³ С 1 января 2016 года семейным парам разрешено иметь до двух детей. — *Примеч. пер.*

шем будущем вряд ли кардинально изменится, хочет китайское правительство того или нет. И так же очень маловероятно, что Американо-мексиканская стена Дональда Трампа и Брексит Терезы Мэй будут иметь в точности те демографические последствия, которые обещают своим избирателям эти политики.

Демографическое изменение часто считается либо полностью пассивным и подчиненным воле государства, либо полностью активным, как в сценарии «демография — это судьба», когда все остальное подчиняется по большей части непреодолимым демографическим силам. Эти диаметрально противоположные позиции суть предельно упрощенческие взгляды на мир и на то, как люди соотносятся с обществом вокруг них. При сравнении этих взглядов друг с другом можно увидеть, что ни один из них не может считаться верным.

Итак, что нам делать с высказыванием Стивена Эммотта о том, что «нам крышка», с которого мы начали нашу вводную главу? Для него эта фраза служила выразительным резюме темы его книги, и мы, зная об этом, бесстыдно сделаем с ней то же самое. Впрочем, мы поступим даже еще бесстыднее и украдем фразу у другого автора:

«Нет никакой судьбы. Мы сами определяем свои жизни».

Какому глубокому мыслителю принадлежит это выражение? Античному мудрецу? Древнему китайскому философу? Экономисту? (Вот уж едва ли!)

Нет. Это не кто иной, как Джакомо Джироламо Казанова, чье имя — синоним слова «любовник». На самом деле, Казанова оказал влияние на демографию, оставив один из детальнейших ранних обзоров множества новаторских способов контрацепции (в том числе лимонов), которые он использовал, чтобы минимизировать вероятность зачатия ребенка [Quarini, 2005].

Развитие социальных наук было связано с осознанием того, что люди могут контролировать свою судьбу, даже если обстоятельства, в которых они начинают свой жизненный путь, оказывают на нее большое влияние. Поэтому эта книга не о том, каким будет или не будет будущее, — не о пессимистическом или оптимистическом взгляде. Она о том, как, лучше понимая роль демографии в последние годы и то, как она может измениться в будущем, мы можем *больше контролировать* будущее. Иными словами, мы переворачиваем тезис «демография — это судьба». Сейчас принято, отталкиваясь от этого представления о судьбе, считать демографию неизменной величиной, переходящей в будущее, и полагать, что вследствие этого мы должны выстраивать будущее вокруг нее: «обезвредить бомбу», если угодно.

Напротив, на протяжении всей книги мы доказываем, что демография слишком важна, чтобы сводить ее к константе. Решения о переезде, браке, рождении детей, принятии здорового или нездорового образа жизни, работе в другом районе (или о том, чтобы *не делать* ничего из этого) бесконечно сложны на индивидуальном уровне. Умножение этих сложностей при переходе на уровень общества дает практически бесконечный массив выборов и решений, которые одновременно определяются множеством внешних факторов, относящихся к обществу, экономике, политике, религии, культуре и мириадам других вещей, — и, в свою очередь, определяют их.

Иными словами, вместо того чтобы говорить, что «демография важна» из-за ее влияния на x или y , мы хотим поразмышлять о важности демографии для *отслеживания* изменений, которые мы видим вокруг, и *управления* ими, а также для понимания того, как все это, в свою очередь, влияет на наши образы будущего. Только лучше понимая взаимозависимость между демографическими изменениями и всем остальным, мы сможем уйти от часто

ограниченного (и диалектически противоречивого) взгляда на будущее к такому представлению о нем, которое будет принадлежать нам и в рамках которого мы сможем сами выстраивать свои судьбы и понимать, что именно так мы обычно и делаем. Мы говорим «обычно», потому что у демографов долгая память и временами происходящее просто сильнее нас. Эпидемия, голод и война иногда случаются вообще без нашего сознательного вмешательства, или в результате вмешательства меньшинства, или даже вопреки попыткам многих хороших людей предотвратить их. Однако, оглядываясь назад, мы часто можем сказать, что «все было бы не так плохо, поступи мы иначе». Или же мы можем сказать, что «все так хорошо обернулось только благодаря тем зачастую трудным решениям, которые мы приняли». Демография часто дает более твердый фундамент для планирования будущего, так как учится и у прошлого (истории), и у разных мест (географии).

Нам не нравится диалектика (неуклюжее слово!), но наши аргументы неизбежно подводят к принятию «неопределенности», а не «судьбы». В отличие от многих других периодов истории, сегодня мы живем в мире, демографическое будущее которого никому конкретно не принадлежит. Тем не менее в какой-то мере наша точка зрения может в итоге вести к довольно агностическому, слабому образу будущего. Мы не знаем, что случится, следовательно, ммм... так тому и быть. Это может привести нас — и тех, кто думает так же, как мы, — к отказу от своих желаний в отношении лучшего будущего. Поэтому можно возразить, мол, если у нас нет более твердого образа для того, что могло бы быть хотя бы желанным, то к чему все это? Зачем нужно было писать эту книгу, да и вообще тратить многие годы на изучение демографических изменений, не имея представления о лучшем будущем?

Поэтому на протяжении всей книги мы будем показывать, где именно, по *нашему* мнению, важна демография, — правда, несколько иначе, чем это обычно делается. До сих пор мы в основном следовали стандартному нарративу о ее значении. В последующих главах мы будем более решительно доказывать, что *демография важна*, потому что используется, чтобы эксплуатировать страхи людей и запугивать их; потому что иммигрантам могут отказывать в правах и средствах; потому что низкие показатели рождаемости должны что-то сообщать нам об обществах, в которых мы живем; потому что у нас совершенно устаревшее представление о том, что значит быть пожилым; потому что мы только начинаем выяснять, как часто мужчины и женщины теперь будут выбирать образы жизни, в том числе совместной, которые еще до недавнего времени считались аморальными, а иногда и преступными (и кое-где все еще считаются). Демография важна еще и потому, что демографические истории очень часто способны давать большую надежду. Кого не обнадежит знание о том, как редко сегодня теряют ребенка в первый год его жизни по сравнению с тем, как часто это происходило на протяжении практически всей человеческой истории, и что показатели детской смертности сейчас по всему миру улучшаются даже быстрее, чем прежде?

Чтобы по-новому подойти к демографическим изменениям в будущем, нужно для начала разобраться с инструментами, которые мы будем использовать. Поэтому в главе 2 мы расскажем о некоторых ключевых измерениях и показателях демографии, а в главе 3 подробно обсудим прогнозы и их методологии. Однако это вовсе не сухие методологические главы. Если мы считаем, что демографические изменения будут жизненно важным компонентом нашего глобального будущего и что различные вмешательства, в свою очередь, будут играть решающую роль в формировании этих демографических процессов, то край-

не важно лучше понять, как мы на самом деле *описываем* мировое население и его изменения, как *измеряем* последствия вмешательств и как *представляем* свое видение будущего. С этой целью в главе 4 мы попробуем «обезвредить» идею демографического взрыва.

Глава 5 будет посвящена вопросу о том, почему у столь многих людей сегодня так мало детей. В последние годы мировые показатели рождаемости были близки к обвалу. Почему этот факт не привлек особого внимания медиа, и что это молчание и сама тенденция говорят нам о происходящем? Самое главное, мешают ли людям заводить детей, когда они того хотят, обстоятельства, или же дело в их свободном выборе не иметь детей, в результате чего, когда они все же решают их завести, дети оказываются (в среднем) намного здоровее? Если же говорить о странах, в которых почти нет планирования семьи или социального обеспечения, то имеют ли в них люди больше детей, чем хотели бы, просто потому, что круг доступных им выборов ограничен? Возникает просто уйма вопросов, как только мы перестаем считать демографию судьбой.

Каким был бы мир, в котором люди на самом деле были бы свободны заводить детей по своему желанию, вообще не иметь их, если таково их решение, и жить в семьях или иных объединениях, которые бы наилучшим образом им подходили? Мы знаем, что все больше и больше людей сегодня живет в одиночестве. Происходит ли это не по своей воле? Нам нужно начать думать о том, как будет функционировать мир с таким множеством взрослых без потомства. Через два поколения семейные собрания, вероятно, станут гораздо менее многочисленными. Станут ли тогда друзья значить больше? И как это повлияет на будущее демографии? Быть может, нам стоит начать измерять показатели дружбы так же, как мы измеряем показатели рождаемости? А сколько реальных друзей можно на самом деле иметь?

В главе 6 мы ставим под вопрос распространенный стереотип о том, что старение населения является проблемой, и показываем, как можно взглянуть на это явление иначе. При ином взгляде открывается не такое катастрофическое будущее, как нам обычно рисуют. Время, противоположное периоду созревания (*puberty*), можно было бы назвать периодом дряхления (*doterty*). Это время, когда человек становится дряхлым, начинает быстро стареть, ментально и/или физически. Со временем этот этап стал наступать позднее, и сейчас он может начинаться за 12 и более лет до смерти.

Период дряхления необязательно означает медленное угасание. Внезапные смерти довольно часты в преклонном возрасте, но редко причиняют такое горе, как в более молодом возрасте. В противоположность этому смерть от рака теперь очень редко бывает внезапной и в основном случается с теми, кто моложе сильно возрастных. Вступившие в период дряхления люди не являются полностью недееспособными, так же как дети до полового созревания; они находятся на другом жизненном этапе. Полезный ли это способ начать по-другому смотреть на старение? Может быть, не стоит считать 50, 60 или 70 лет пожилым возрастом, а связать его наступление с моментом, когда человек начинает ощущать себя пожилым?

Как могли бы мы в будущем превратить период дряхления в то, чего ждут с нетерпением, подобно тому, как многие из нас теперь с нежностью оглядываются на детство? До недавнего времени для большинства детей в мире детство было периодом борьбы. Они мало на что могли влиять, их часто били (и жестоко обращались с ними другими способами), заставляли работать по многу часов за мизерную оплату или вовсе бесплатно. Вполне возможно, что в будущем люди будут оглядываться на нас сегодняшних и удивляться, как мы могли так плохо обращаться со своими пожилыми людьми в период их дряхления. Много в на-

шем поведении, что мы сегодня считаем нормальным, в будущем почти наверняка будет считаться отвратительным.

В главе 7 мы обратимся к миграции и мировой экономике — самым обсуждаемым демографическим проблемам нашего времени. Мы рассмотрим тенденции в мировой экономике и выдвинем предположение о том, что число людей, перемещающихся по миру, все еще очень мало по сравнению с численностью тех, кто никуда не переезжает. В будущем следует ожидать более многочисленной миграции. Кроме того, стоит ожидать, что враждебное отношение к миграции ослабнет, когда за мигрантами признают новаторство, энергичность и когда они редко будут оставаться там, где они по-настоящему не нужны, за исключением лагерей для беженцев, где не дается никакого выбора. Придет время, когда, подобно тому как большинство из нас в богатых странах больше не беспокоится по поводу людей, имеющих слишком много детей (мы не требуем от наших друзей ограничить размеры их семей), мы больше не будем тревожиться о прибывающих мигрантах. Напротив, тревогу будет вызывать их отсутствие.

В главе 8 мы обратимся к актуальной теме политической демографии, по поводу которой политики и статистики сталкиваются чаще всего. Некоторые политики хотели бы, чтобы никаких демографов не существовало, поскольку демография подталкивает к планированию, а планирование (считают они ошибочно) — это путь к коммунизму. До этой главы мы старались избегать самой спорной темы в демографической истории, но именно здесь обратимся к евгенике в ее историческом и современном проявлениях, а затем вернемся к обсуждению миграции и паттернов рождаемости прошлых лет, которые могут на нее влиять. На протяжении всей книги мы будем предлагать разные способы прочтения демографической статистики, а также введем ряд не столь широко известных показателей и понятий, с помощью которых, как мы считаем, мож-

но получить новые и более полезные результаты. В конце главы мы объясним идею чистой пожизненной миграции по когортам, а также то, как она связана с лимонами, презервативами и противозачаточными таблетками.

В заключении книги мы сформулируем свою позицию чуть менее детально и более лаконично, чем во вводной главе. Хватит с нас мрачной демографии — науки, забывающей о том, что предметом ее изучения являемся мы и что мы можем быть более деятельными. Мы провели слишком много часов и недель, смотря в таблицы с числами, которые представляют трагическую смерть ребенка как интересное незначительное отклонение от более общего тренда и разделяют людей в соответствии с границами, созданными в основном для того, чтобы поделить останки империи, проигнорировав уже живших там людей. Демография всегда будет про статистику и числа, но она может стать гораздо менее черствой и пренебрежительной. Она может распознавать ситуации, когда политики жестоко обращаются с удобными для них козлами отпущения, играя на страхе перед другой группой или на неприязни к ней. Пришло время этой дисциплине, в которой и с которой мы работаем, повзрослеть, ведь она становится старше. Демография — наука о нас самих и наших детях, женщинах и мужчинах; она не о «них» и должна быть не о страхе перед другими, а о заботе обо всех.

В Декларации тысячелетия ООН ясно сказано: «Мы приложим все усилия к тому, чтобы избавить наших соплеменников, мужчин, женщин и детей, от унижающей человеческое достоинство крайней нищеты, в условиях которой в настоящее время вынуждены жить более миллиарда из них»⁴. Как биологический вид мы преодоле-

---

⁴ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit-decl.shtml (дата обращения: 29.12.2020).

ли большой путь за очень короткое время. Полтора века назад такие заявления выглядели бы революционными и недостижимыми из-за преобладавших тогда мальтузианских взглядов. Сегодня же они делаются в самом сердце центральной инстанции нашей глобальной политики.